ВСТУПЛЕНИЕ

Евгений Штейнер

ВОСТОК, ЗАПАД И ОРИЕНТАЛИЗМ: МЕСТО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Большая международная научная конференция состоялась 23–25 сентября 2010 г. в Москве под эгидой Российского института культурологии (РИК). Ее задачей было обсуждение основных аспектов проблемы описания Востока (преимущественно азиатских, а также африканских культур) в западной науке, литературе и искусстве. Идея конференции принадлежала автору этих строк, который в разговоре с К.Э. Разлоговым осенью 2008 г. заручился его поддержкой, и в результате почти двухлетняя подготовка делалась при помощи людских, организационных и материальных ресурсов РИКа.

Цели и общая идея конференции в Приглашении к участию были сформулированы так: «Анализ истории осмысления и современных интерпретаций Западом Востока и vice versa представляется важным и своевременным в свете глобализации и параллельного ей обострения идеологических, религиозных, межкультурных и экономических конфликтов между странами Востока и Западом с его ценностями, восходящими к иудеохристианской традиции. Европейская трактовка Востока получила название «ориентализм», имеющее негативные коннотации на самом Востоке и среди критически по отношению к западной системе настроенных западных же ученых, а изображение Запада, нередко упрощенное и часто отрицательное, азиатскими авторами, известно как «оксидентализм». Анализ истоков, меняющихся парадигм и современной методологической базы таковых описаний позволит выявить культурные стереотипы, эксплуатируемые при описании “чужого”».

Структура конференции предполагала, чтобы ведущие представители культурологии, истории искусства, истории религии, востоковедения и литературоведения в ходе научных дискуссий проанализировали ситуацию с описанием Востока на Западе и Запада на Востоке, выявили идеологическую, историческую или методологическую ограниченность многих частных подходов и обозначили перспективные методологии и научные проблемы, решение которых будет способствовать лучшему взаимопониманию и межкультурному диалогу.

Широта культурно-географического охвата задавала проблематизацию самих базовых понятий «Восток» и «Запад». Например, две секции обсуждали тему «Россия и Балканы как Восток с точки зрения Западной Европы». Кроме того, в дополнение к классическим «востокам» – Ближнему или

Дальнему – Россия имела и имеет свой собственный: Кавказ, который для русского романтического сознания играл роль, сходную с Ближним Востоком в мифологии европейского романтизма. С другой стороны, Западом мог оказаться даже Китай – как то было показано в докладе д-ра Кэйко Судзуки (университет Рицумэйкан, Киото) «Когда людьми с Запада были китайцы». Были даже и более радикальные случаи географического и культурного релятивизма – например, в докладе «Восточнее, чем Япония: Окинава в японском национальном дискурсе» (д-р Роза Кароли, университет Венеции).

Поэтому, как я подчеркнул в своем вступительном слове, конференция подразумевала обсуждение понятия многополярности мира. Удобные (и кажущиеся фундаментальными) таксоны вроде «восток» и «запад», рассматриваемые с разных точек полицентричного мира, оказываются культурно детерминированными, подвижными и относительными концептами. Что может быть стопроцентно восточным или стопроцентно западным? Какую оптику и какой язык описания должен использовать исследователь, чтобы быть максимально адекватным исследуемому инокультурному объекту?

Важно отметить, что задачей конференции является не только и не столько дихотомия «восток–запад», а именно концепции ориентализма и оксидентализма, ибо во главе угла лежала задача подчеркнуть пути и способы восприятия Востока Западом и наоборот. При этом, по замыслу организатора, «ориентализм» должен был пониматься в широком смысле – как разного рода академические описания азиатских и африканских культур в научном исследовании или художественные обращения к ним в западном искусстве и литературе. Такое мое понимание ориентализма резко отличается от популярного до сих пор (преимущественно в идеологизированных левой риторикой кругах) «Ориентализма» Э. Саида (1978) – длинного полемического памфлета, давно критически разобранного (чтобы не сказать, разгромленного) серьезными учеными, специалистами по Ближнему Востоку и арабскому миру. Удивительно, но некоторые молодые западные преподаватели, очевидно страдая от постколониального комплекса вины, по-прежнему обрушиваются на своих предшественников, изучавших неевропейские культуры, и обвиняют их в пособничестве культурному империализму. Это привело к тому, что сам термин «ориентализм», или «востоковедение» (“Oriental studies”), уже четверть века почитается молодыми радикалами политически некорректным и обидным для мусульман. Иногда полемика в саидовом духе отъезжает дальше на Восток и навязывает постколониальную интерпретацию ближневосточной политики даже японоведению. Так, в одной недавно опубликованной работе снисходительной выволочке подверглась вся традиционная японистика в Америке. Например, Эрнест Феноллоза (1853–1908), горячий энтузиаст японской культуры, скупавший в конце XIX – начале XX в. классические произведения искусства, которые сами японцы в порыве модернизации готовы были выбросить, и собравший в итоге в Бостонском музее изящных искусств несравненную коллекцию, заклеймен «досаидовым азиафилом, который не разделял нашего дискомфорта

по поводу колониальной экспроприации»[1]. Работы Джоан Картер-Ковелл (1910–1997), первой в Америке защитившей докторскую диссертацию по японскому искусству (1940), уподобляются «колониальным писаниям»[2]. Значительно более эпистемологически зряч и методологически корректен профессор Колумбийского университета Бернар Фор, который вместо позиции кающегося интеллигента (который, впрочем, чаще шельмует, нежели кается) считает, со ссылкой на Бахтина, что «экзотопия» (или отстраненность) является мощным фактором для познания другой культуры[3]. Ранее Фор писал также о саидовой методологической наивности и идеологической узости: «В некотором отношении его “Ориентализм” не только являет собой пример обратного этноцентризма, но и оказывается контрпродуктивным, ибо забывает, что даже самый отъявленный ориентализм может иметь какие-то важные прозрения, а также не замечает, что посторианталистское видение имеет свои собственные слепые пятна»[4]. О том, насколько язык описания культурного Другого может быть более прозревающ, чем взгляд изнутри, показывает, в частности, пример Николая Невского, одного из основателей японской этнологии и культурной антропологии. Ему в рамках конференции была посвящена отдельная секция. Серьезные ученые уже не рассматривают ориентализм в саидовских терминах «силы» и «доминирования»[5], а к тому же Дальний Восток, и в особенности Япония, самым решительным образом не могут быть втиснуты в прокрустово ложе ориентализма по-саидовски[6].

Подзаголовок конференции – «Языки культуры и языки их описания» – предполагал семиотическое понимание культуры как Текста. Описание (научное или художественное) можно рассматривать как текст на другом языке – языке собственных культурных пресуппозиций исследователя и способа его методологической наррации. Иными словами, идея конференции предполагала рассматривать проблему Ориентализма/Оксидентализма как проблему **перевода** – со всеми его ограничениями, возможными ошибками и ложными концепциями, как культурно детерминированным, так и просто *ad hominem*. Потерянное в переводе и «неправильно» переведенное – не менее интересно, чем лежащее на поверхности переведенное.

В оргкомитет поступило около двухсот заявок, из которых принято было чуть более ста. В окончательную программу попало 78 пленарных докладов и сессионных выступлений 79 участников. Из них иностранным

[1] Levine, Gregory. *Daitokuji: The Visual Cultures of a Zen Monastery.* Seattle: University of Washington Press, 2005, p. 305.

[2] *Ibid*, p. 278.

[3] Faure, Bernard. *The Rhetoric of Immediacy: A Cultural Critique of Chan/Zen Buddhism.* Princeton: Princeton University Press, 1991, p. 8.

[4] *Ibid*, p. 6–7.

[5] См.: Clarke, John. *Oriental Enlightenment: The Encounter Between Asian and Western Thought.* London and New York: Routledge, 1997, p. 8.

[6] См.: Cox, Rupert A. *The Zen Arts: An Anthropological Study of the Culture of Aesthetic Form in Japan.* London: RoutledgeCourzon, 2003, p. 31.

участникам принадлежало 47 докладов, а российским – 31 (двое заявили один доклад, и оба не явились).

Конференция продолжалась три дня. В первый работа проходила в формате общих пленарных заседаний, в ходе которых было прочитано шесть установочных докладов.

Открыл конференцию директор Института культурологии профессор К.Э. Разлогов. С приветственным словом выступил советник по делам культуры посольства Японии г-н Имамура; с организационными моментами – ответственный секретарь оргкомитета Н.А. Кочеляева; с методологическим зачином – председатель оргкомитета Е.С. Штейнер. После этого открылось первое пленарное заседание.

Два первых киноута были посвящены методологическому осмыслению и терминологическому прояснению понятия ориентализм. С.Д. Серебряный, директор Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского (РГГУ), в докладе «Ориентализм: искажение достойного термина» начал с того, что «ориентализм» на Западе стал плохим словом с появления книги Саида, но, к счастью, эта мода докатилась до России сравнительно недавно, в силу чего здесь еще можно свободно пользоваться синонимичным ему термином «востоковедение». Книга Саида, продолжал докладчик, безнадежно неадекватна, но в ней затронуты некие важные проблемы межкультурной коммуникации. Саид был неправ в своем основном тезисе, согласно которому изучение «Востока» в XVIII–XX вв. было всего лишь частью колониальной политики Запада. Ошибался он и в большинстве своих фактических сведений и выкладок (по крайней мере во всем, что касается Индии и индологии, – заметил докладчик-индолог). Однако Саид так или иначе провоцировал внимание к реальной и сложной проблеме: изучение культур неизбежно отмечено пресуппозициями, а иногда и предрассудками своей собственной культуры. Это было особенно справедливо для советского востоковедения, поскольку советская идеология, будучи упрощенной и догматизированной версией некоторых западных идей, полагала себя универсально верной и полностью была лишена саморефлексии и самокритики. Докладчик привел некоторые примеры этого, еще не полностью изжитого, советского наследия, но подчеркнул, что удивительным образом некоторые ученые в «свободном» западном мире оказались жертвами тех же заблуждений.

Тема причудливого родства саидова «ориентализма» и российской имперской, а после советской, идеологии была продолжена докладом профессора Веры Тольц (глава Центра по изучению России и Евразии Манчестерского университета, Манчестер, Великобритания). В начале XX в. учеными в России было предложено радикальное переосмысление способов рецепции восточных культур. В бродиле революции и мировой войны группа востоковедов в Петербурге (Петрограде, Ленинграде) артикулировала свежие идеи о соотношении знания и власти и о Европе и Азии, как о политических и культурных конструктах. Эти идеи предвосхитили работы Саида и постколониальную теорию по меньшей мере на полвека. При этом общность первых и вторых была не просто типологической, а генеалогической. В докладе было показано, что Саид почерпнул

основные свои положения (через арабских историков-марксистов, учившихся в 1960-е гг. в СССР и читавших по-русски) из работ русских ориенталистов начала XX в. и более поздних советских. Отчасти русскими учеными двигали ревизионистские идеи общеевропейского характера, когда переосмыслению стали подвергаться представления о Востоке, популярные в XIX в., но главным образом ученые России в силу сочетания политических, социальных и культурных факторов вступили в особого рода диалог с российскими неевропейскими меньшинствами и в силу этого выработали особую методологию и особый, критический взгляд на западное востоковедение. В результате, и особенно после 1917 г., была сформулирована влиятельная на многие десятилетия критика империализма и колониализма. Как показала проф. Тольц, есть текстуальные совпадения у Саида и статьей «Востоковедение (Ориентализм)» Большой Советской энциклопедии (1951). Довольно неожиданное, заметим, по всей видимости, родство для западных леваков.

Следующие два доклада переместили географию рассмотрения ориентализма с Ближнего на Дальний Восток: в Японию. Точнее, в докладе профессора Сигэми Инага (Центр по изучению японской культуры, Киото, Япония) речь шла о территории на северо-востоке современного Китая, известной в 1931–45 гг. как Маньчжурское государство (Маньчжоу-го). В докладе «Скрещенье ориентализма и оксидентализма: изображение Маньжчоу-го времени его существования» докладчик поставил целью показать, как ориентализм и оксидентализм взаимно пересекались в изображении Азии в XX в. Создававшиеся под влиянием Японии визуальные символы исторических событий и героев в Маньчжоу-го напоминали идеологически западный ориентализм, который до определенной степени разделяла Япония того времени в отношении этой китайской территории. В то же время японские художники (и среди них создававший в то время героико-патриотические батальные полотна – например, «Штыковая атака советского танка японскими пехотинцами» (1941) – художник Парижской школы Сугихару-Леонард Фудзита) подчинялись некоей паназиатской идеологии оксидентализма, ставившей целью пропаганду некоей зоны «совместного процветания».

Доклад профессора Тимона Скрича (завкафедрой истории искусства и археологии Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета, Лондон) был посвящен культурным контактам Запада и Японии в XVIII в. В центре его лежала деятельность шведского врача на службе голландской Ост-Индской компании Тунберга, оставившего ценные естественно-научные труды и обширные коллекции предметов материальной культуры. Его деятельность и коллекция были широко комментированы японскими художниками и писателями, преимущественно в сатирическом плане, когда западная наука переосмыслялась в Японии в духе культуры «бренного мира» укиё-э.

Пленарное заседание завершилось докладом профессора Патрика Бейвэра (Высшая школа социальных наук, Париж, Франция) о специфике колониальной идеологии в восточном и западном дискурсах: случай Японии и Окинавы. Докладчик показал, хотя внешне, если подходить

с западными мерками, политика Японии на Окинаве (островах Рюкю) выглядела вполне колониальной, инкорпорирование этих островов, бывших в моменту японской экспансии независимым королевством, осуществлялось по иным культурным механизмам и негативно «колониальным» этот процесс назван быть не может.

Второй день конференции включал работу в секциях. Их было двадцать по четыре доклада (иногда три) в каждой. Рабочим языком большинства секций был английский без перевода на русский.

Большая часть докладов концентрировалась вокруг узловых вопросов, обозначенных в Приглашении к участию. Классический ориентализм XVIII–XIX вв. анализировался по следующим направлениям:

– Восток романтиков от Магриба до Кавказа.

– Академический ориентализм: экзотический антураж и «вечные законы красоты».

– Эротический миф о Востоке как сублимация сексуальных комплексов Запада.

– Мир необузданных и жестоких страстей в восточных декорациях.

– Мир ислама через призму ориентализма.

– Шинуазри и японизм.

В XX в. проблематика изменилась. Здесь акцент был сделан на понятии Востока как «Другого» в западном сознании XX в. – от Африки до Арктики. Вопросами для обсуждения были: африканизм кубизма; сюрреализм и примитив; авангард и «опрощение»; авангард и Дзэн; «дикари» в массовой культуре и др.

В секции «Формы конвергенции: Китай, Япония, Запад» были прочитаны доклады учеными из Японии (Кэйко Судзуки, «Когда людьми с Запада считались китайцы: образы иностранцев в японском искусстве укиё-э», Италии (Донателла Фаилла, «Соединяя Европу и Японию эпохи Мэйдзи: вклад Эдоардо Киоссоне в официальные представления о классическом искусстве, политике и идеологии японского движения за интернационализацию»), Австралии (Ясуко Кларемонт с докладом о пересечениях творческих методов Марселя Пруста и Нацумэ Сосэки) и США (Пола Парк с докладом «Сделано в Китае» о постановке современной версии оперы «Мадам Баттерфляй».

Отдельная секция была посвящена европейским шинуазри и японизму (докладчики из США и Чехии). Особенно интересен был доклад Филипа Сухомеля (Академия архитектуры и дизайна, Прага, Чехия) «Далекие царства мандаринов в буржуазных салонах на европейской художественной периферии: восприятие неевропейского искусства в центральной Европе первой половины XIX в.» – он ввел практически неизвестную за пределами малых центрально-европейских стран проблематику.

Более традиционная тема обсуждалась в секции «Китайское и японское в Великобритании конца XIX в.», впрочем, и к ней была присоединена франко-африканская кода (Дженнифер Филд, Музей современного искусства, Нью-Йорк, о культурных импликациях этнографической

экспедиции Дакар-Джибути в 1931). Доклады двух британских исследователей детально анализировали синофилию (Сара Чанг, Лондонский колледж Моды, Лондон) и япономанию (Элизабет Крамер, Школа искусств и социальных наук, Лондон) в Лондоне. Особое внимание при этом уделялось малым декоративно-прикладным искусствам и моде и тому, как поголовное увлечение китайщиной и японщиной изменило вкус и интерьеры британского светского общества.

Не обошлось, разумеется, и без гаремных тем и одалисок, западные представления о коих были темой секции «Западноевропейский ориентализм XIX–XX вв. и эротический дискурс». Специалист из Международного центра гендерных исследований в Тюбингене (Германия) Кэйт Рой рассказала о гаремных повествованиях в популярной литературе Германии прошлого и настоящего. Интересно, что ряд ранних модных публикаций был сделан в виде стилизации образованными мусульманскими женщинами (вероятно, типологически это можно уподобить французским романам на русскую тему Андрея Макина – который также удостоился «ориенталистского» разбора). Темой Джоан Лэнгли (Университет Суонси, Великобритания) был танец живота и его роль в мифологизации Востока на Западе. Наконец, Нико Пайдар из Института Курто (Лондон) провела деконструкцию феномена одалисок во Франции 1920-х гг. – в живописи Матисса и в параллельных образах в массовом кинематографе. Указание на синема как источник инспирации Матисса в обход его общеизвестных увлечений алжирскими и марокканскими мотивами вносит интересный акцент в наши представления о миграции культурных кодов в ориенталистских мотивах первой половины XX в.

Гаремная тема не уместилась, кстати, в пределы одной секции и выплеснулась в другую: «Восток в западноевропейском сознании: искусство, музыка и кинематограф». Любопытное сопоставление эротических мотивов с религиозными было сделано в докладе Марии Тарутиной (Йельский университет, Нью-Хэйвен, США) – «От церкви к гарему: ориентализм XIX в. и неовизантийское возрождение». Докладчица проблематизировала бинарную оппозицию «восток-запад» и показала ее подвижность на примере европейской трактовки Византии во второй половине XIX в. Это было опосредованно связано с балканским вопросом и территориальными спорами большой европейской политики. Западная Европа тяготела к изображению Византии как восточной – экзотичной, изнеженной, порочной, роскошной культуры. Россия, Австрия и Пруссия предпочитали другой образ – могущественной христианской державы. Особенно это отвечало задачам России, которая, преследуя свои политические и националистические амбиции, проводила в своем неовизантийском возрождении, по мнению докладчика, оксиденталистскую политику.

В той же секции Ана-Жоэль Фалькон-Вибе (Королевский университет, Онтарио, Канада) проанализировала классический французский ориентализм как обращение к экзотике для решения внутренних культурных потребностей: «Ориенталистские идиомы Декана: толкование Запада через Другого». Александр-Габриэль Декан (1803–60) «в своих ориенталистских работах интерпретировал Запад по-западному, используя язык, который был не просто принят буржуазными и аристократическими патронами, но служил также для выражения общего недовольства представителей этих классов с определенными аспектами общественной жизни 19 века, особенно во Франции». Как указал докладчик, такая интерпретация начисто лишает смысла наскучившую саидову «ориенталистскую» парадигму.

Напротив, как продукт западного «ориентализма» в духе романтического экзотицизма трактовала цыганскую тему выступившая в той же секции Анна Пиотровска (Ягеллонский университет, Краков, Польша) в докладе «Сотворение “цыганских мотивов” в музыке как пример ориенталистского дискурса XIX в.».

К вопросу об авангарде: тема «Российский авангард и Восток» рассматривалась в отдельной сессии. Адель ди Руокка (Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США) рассказала о буддийских мотивах и конкретно фигуре Просветленного в искусстве русского модернизма. Ирэна Бужинска (Латвийский Национальный художественный музей, Рига) в своем докладе о художнике Волдемаре Матвейсе (известном также как Владимир Марков) сделала акцент на его роли как исследователя и фотографа неевропейского искусства. В своих идеологических и эстетических устремлениях Матвейс был вполне человеком своего времени, времени стремительного создания авангардной парадигмы и артикуляции модернистских художественных форм. В материале же, с которым он работал, – искусство черной Африки, искусство острова Пасхи – Матвейс значительно опередил свое время, ибо сколько-нибудь значительный интерес к этим культурам появится в Европе лишь 10–15 лет спустя, у сюрреалистов. Также африканской теме был посвящен и третий доклад – Елены Чач (СПбГУ), которая говорила об африканских путешествиях Гумилева и Булатовича (гусара-схимника) в Эфиопию в контексте культуры Серебряного века.

Несколько сессий было посвящено разбору взаимоотношений России с ее «востоками» – Кавказом, Средней Азией и Дальним Востоком. В секции «Россия и Дальний Восток» неизвестный аспект взаимоотношений российских властей с буддизмом показал Такэхико Иноуэ из университета Хоккайдо (Саппоро, Япония): «Поиск правоверности на родине: утверждение Российской империей “девиантности” буддийских монахов» (Его статья на основе переработанного доклада называется «От медицины к ориентализму: лечение калмыцких буддийских монахов в Российской империи в 19 веке».) В попытках обеспечить вакцинацию калмыцкого населения в XIX в., российские власти привлекали к помощи лам и монахов, но поскольку результаты оставляли желать лучшего, калмыцкое буддийское духовенство было неоднократно подвергнуто резкой критике: они не умели толком читать собственные тибетские или монгольские книги и мало соответствовали своему религиозному и социальному положению. Российские академические специалисты по буддизму поддерживали власти в их кампании против «плохих» буддистов на местах. Другой докладчик, д-р Рой Чан (Колледж Уильяма и Мэри, Уильямсбург, США), в докладе «Ломаные языки: раса, жертвенность и геополитика в повести “Бронепоезд № 14–69” Всеволода Иванова»

рассуждал об отношении русских революционеров к своим китайским сотоварищам.

В секции «Центральная Азия как российский Восток» два доклада российских участников прозвучали бы на Западе как подтверждение саидизма, между тем как представленное в них соотношение метрополии и имперских окраин было весьма многоаспектно и отнюдь не однозначно. А.Э. Афанасьева (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль) в докладе «Пищеварение превосходное... способности к наукам небольшие: казахи в текстах российских врачей XIX в.» показала, что «выводы российских врачей о физическом состоянии казахов, их подверженности болезням, о гигиенических условиях быта и особенностях местных медицинских практик вносили существенный вклад в формирование языка описания казахов. На заключениях медиков базировались оценки этнографов, свидетельства врачей становились аргументами в пользу активизации правительственных усилий в Казахской степи. Вместе с тем создаваемый российскими врачами ориенталистский дискурс не вполне укладывался в классические образцы, очерченные Саидом. В описаниях казахов объективирующие характеристики, присущие западной медицинской традиции, сочетались с патерналистскими установками, которые во второй половине XIX в. приобретали специфическую для России народническую окраску». В сходном ключе раскрывалась тема А.Ю. Ледовских (Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск) «От омерзения до сострадания: специфика восприятия коренного населения Крайнего Севера Сибири публицистами второй половины XIX – начала XX в. (по материалам художественной публицистики)». Особенный интерес вызвало замечание докладчика, что в публицистике делались попытки поднять вопрос о том, что первобытная дикость и необузданные страсти, жестокость, коварство характерны не только для аборигенов Севера, но и для русского населения региона.

Большой интерес вызвала секция, где Россия рассматривалась как Восток по отношению к Западной Европе: «Балканы и Россия как Восток для Западной Европы». С балканской темой выступил Николай Аретов (Институт Литературы Болгарской АН, София, Болгария) – «Ориентализм, оксидентализм и образ Другого в балканском контексте», тогда как все другие были посвящены восприятию России как восточной страны. Мари-Карин Шауб (Парижский университет «Париж-Эст», Париж, Франция) проанализировала истоки представлений о России как восточной культуре. Хелен Даффи (Вроцлавский университет, Польша) назвала свой доклад «Ответный удар Востока, или Миф о России в прозе Андрея Макина», где сосредоточила свое внимание на показе того, как расхожие представления, бытующие в массовом западном сознании, были умело слеплены в «русских романах» Макина и сделали его на какое-то время весьма популярным. Другой, более художественно интересный подход к теме «Россия (или в данном случае, Украина)-Запад» в книге Марины Левицки «Краткая история тракторов по-украински» проанализировала Андреа Балог (Университет Сегеда, Венгрия). Там шла речь о восприятии вполне британской по культуре представительницы второго поколения выходцев с Украины немолодой украинки, попавшей в Англию после распада Советского Союза и пытавшейся там закрепиться.

Отдельная секция была посвящена философии Востока и Запада и их взаимопроницанию. Стоит отметить доклад «Восток на Западе и Запад на Востоке: арабский мир и средневековые латиняне», весьма художественно исполненный В.Л. Рабиновичем (РИК, Москва). Остановившись на феномене алхимии, он отметил, что она была изначально «самонастроена» для встречи с Востоком. Другим интересным сообщением в той секции был доклад Жозефа Шованича (Высшая школа социальных исследований, Париж) – «Западная философия XX в. и Азия: язык и время в философии Хайдеггера». Он продемонстрировал, что несмотря на до сих пор сохраняющееся во многих западных университетах представление, будто философия есть продукт исключительно западного мира, даже у такого твердокаменного представителя тезиса «только-Запад», как Хайдеггер, есть несколько фундаментальных, но не сразу видных идей, заимствованных из Азии. Докладчик показал, как восточные (под ними он понимал переднеазиатские, т. е. преимущественно еврейские) представления о времени и истории были утилизированы Хайдеггером.

Помимо перечисленных секций, в которых Восток или Запад понимались весьма широко, особую группу представляла секция «Рюкюский треугольник: Окинава – Восток – Запад», работавшая все четыре сессии во время второго дня конференции. Она носила полуавтономный характер и была организована Е.С. Бакшеевым (РИК) и Розой Кароли (Университет Ка Фоскари, Венеция) под эгидой Международной ассоциации исследователей Рюкю/Окинавы (IAROS). В докладах этой секции рассматривалось уникальное положение Окинавы как реципиента культурного воздействия Китая, Японии и западного мира. Кроме того, подробно обсуждалась роль Николая Невского как исследователя, наводившего мосты между Востоком и Западом и первым из ученых приступившего к лингвистическому и культурно-антропологическому описанию островов Рюкю. Среди участников этой секции были ученые из России, Китая, Норвегии, Японии, Италии, Франции и США.

В заключительный день работы конференции состоялось пленарное заседание в форме круглого стола. Работа началась с двух докладов: В.Г. Лысенко (Институт философии АН, Москва) «Ориентализм в свете проблемы чужого: попытка ксенологического подхода» и Тосио Ватанабэ (Директор Центра транскультурных исследований, Лондонский университет искусств, Лондон) «Японизм в XX в.: его развитие между 1920 и 1950 годами». В. Лысенко предприняла попытку описать извечную категорию «чужого» (или Другого) при помощи новой теории, названной ей ксенологией. С основной идеей трудно было не согласиться, хотя в то же время в откликах некоторые участники назвали такой подход умножением сущностей.

В последовавшей затем заключительной дискуссии некоторые участники выражали удивление тому, что идеи Саида не были упомянуты во многих докладах, и попытались вернуться к «колониальному дискурсу». Ведущий заседание Е.С. Штейнер заметил, что он рад тому, что саидизм

перестал быть столь значительным, что его понадобилось бы обсуждать еще и еще. Отношение к нему и его научная оценка были ясно выражены в двух первых установочных докладах. Намного более плодотворной является позиция, которая исходит из того, что ориентализм в широком плане был формой европейских поисков культурной инаковости. В заключительном слове он кратко изложил разрабатываемую им несколько лет концепцию, согласно которой европейский ориентализм в искусстве и литературе следует рассматривать как многогранное проявление глобализации. В обличье ориентализма она возникла как начало системного кризиса западной цивилизации, упершейся в собственную несамодостаточность (в культурном, художественном, религиозно-философском и экономическом – торговом и сырьевом – планах) и нуждавшейся в Другом. При этом ранняя фаза ориентализма была романтически-академической (ориентализм в узком смысле) – т. е. экзотические восточные сюжеты при сохранении западного формального языка выражения. Следующая волна, японизм импрессионистов и модерна, был значительно более серьезным транскультурным явлением – тектоническим сдвигом, когда не только и не столько сюжеты, но и формальные особенности плана выражения были заимствованы на Востоке. Далее пришел примитивизм авангарда и сюрреализма с его обращением к африканскому и туземному искусству, после чего (после Второй мировой войны) маргинализация западного художественного дискурса вдохновлялась языком самовыражения лиминальных общественных групп («наивное искусство», искусство душевнобольных). Все вместе это было последовательными этапами в расширении (расшатывании и одновременно подпитке) новоевропейской культурной парадигмы и прокладывало пути к глобализации западного мировоззрения и культурных практик. Ориентализм можно рассматривать как ур-феномен глобализации, или как процесс делания Запада менее западным.

Наряду с этим уже около ста лет в незападных частях глобализируемого мира существует и все нарастает туземный эксклюзионизм и охранительство. Этими силами – ревнителями самобытности и противниками интеграции – ориентализм выбран в качестве жупела культурно-колониальной экспансии (именно об этом и весь памфлет Саида). Научным итогом конференции можно считать то, что, рассматривая множество ориентализмов на фоне разных «востоков» и «западов», удалось в какой-то степени очистить эти понятия от политически ангажированных коннотаций и продвинуться в понимании взаимосвязанности многополярного мира.

В заключение хочется выразить благодарность коллегам, участвовавшим в подготовке конференции: К.Э. Разлогову, изначально поддержавшему идею и поддерживавшему ее в сложные моменты как административным ресурсом, так и личной харизмой; Н.А. Кочеляевой, помогавшей в решении многообразных организационных проблем с начала и до конца; И.В. Алексеенко, осуществлявшей контакты с участниками и координировавшей многообразные аспекты подготовки на каждодневной основе; а также А.Г. Васильеву и группе сотрудников РИКа, подключившимся к подготовке в последние дни и помогавшим плавной и эффективной работе конференции.

Sergei Serebriany

"ORIENTALISM": A GOOD WORD DEFAMED

"Orientalism" became a bad word in the West after the publication in 1978 of Edward Said's book titled (rather mistitled) "Orientalism". I first heard about this book in 1979, from an American professor who visited Moscow. The professor referred to the book with respect, and later I kept reading various praises for Said and his work. It was only in 1991, when I happened to come to the US, that I got a copy of Said's "Orientalism". I remember being very much disappointed and surprised with this book. It was obviously so inadequate, so full of false statements and mistakes, so, I dare say, stupid, that I wondered why it had become so popular and so influential. Some years later another American professor on a visit to Moscow told me the background story of this book; and I read more about the personality of Edward Said. All this helped me to understand his book better.

The latter American professor said, that Edward Said, being a Palestinian (or, in any case, an Arab), wanted to write about how the Western world did not understand the Palestinian cause and the Arab world in general.[1] But he did not want to limit himself only to Palestinian or even only to Arab issues, because he thought that in that case his book would not have as strong an appeal as he wanted it to have. So he broadened his theme and wrote also about India and other Asian countries, about which his knowledge was rather inadequate.[2] This story (which seems to be true) explains how Said came to write his book, but does not explain its extraordinary success.

By now I have read a lot of criticism about Said's book and about Said himself .[3] But so far I have not come across any detailed historical analysis of the success story of Said's "Orientalism". My own tentative explanation is that this book, inadequate though it was itself, touched a very important problem and probably at the very right time. I would compare this book with a small spark which may ignite a huge fire or with a small pebble which may cause an avalanche in mountains.

---

[1] Cf. "The focus of Said's original inquiry was not so much 'the Orient' at large but Egypt and Palestine in particular" (Gregory D. "Orientalism" // Johnston R.J. et al. *The Dictionary of Human Geography* [4th ed.]. Wiley-Blackwell, 2000, p. 567).

[2] Later I tried to read another book by E. Said, "Culture and Imperialism", and confirmed my opinion that the author's knowledge about Indian history was inadequate.

[3] I have even contributed a paper to a book which is, in a way, part of the "(Anti-) Saidiana": *Beyond Orientalism: the work of Wilhelm Halbfass and its impact on Indian and cross-cultural studies.* Rodopi, 1997.